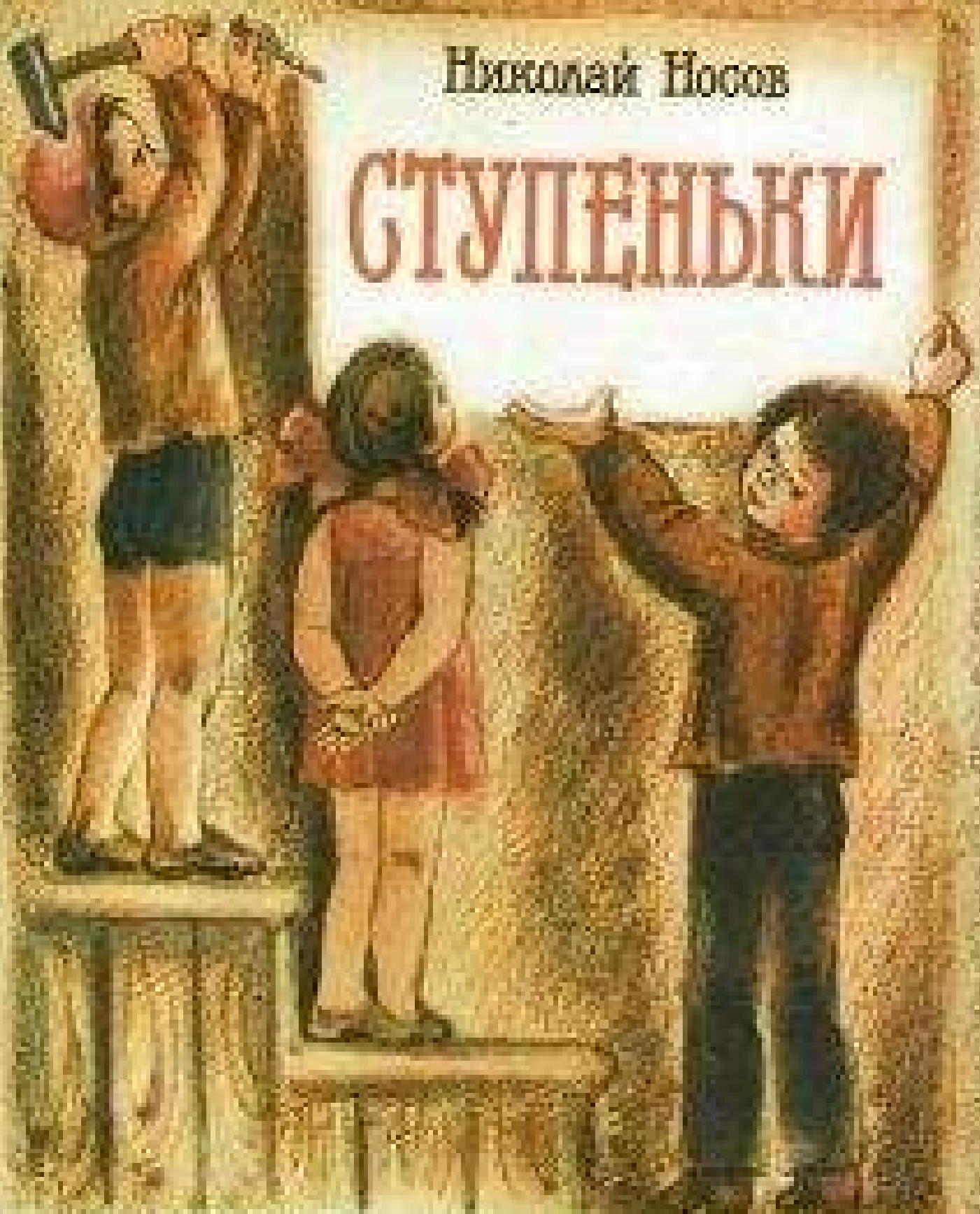

Николай Носов

СТУПЕНЬКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» • МОСКВА • 1983

Николай Носов

СТУПЕНЬКИ

Леденец

Мама уходила из дому и сказала Мише:

— Я ухожу, Мишенька, а ты води себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец.

Мама ушла. Миша сначала вёл себя хорошо: не шалил и ничего не трогал. Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

«Я ведь ничего не трогаю, только смотрю».

А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

«Я только посмотрю, а ничего трогать не буду», — думает.

Открыл крышку, видит — там что-то красное сверху.

— Э, — говорит Миша, — да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

— Ого, — говорит, — большущий! И сладкий, должно быть.

Миша лизнул его и думает:

«Пососу немножко и положу обратно».

И стал сосать. Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется — много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

«Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю».

Миша достал леденец, сунул в рот, а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам — и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

Мишенька испугался:

«Что теперь мама скажет?»

Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся. Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет.

Наконец мама приходит:

— Ну, как ты себя вёл?

— Хорошо.

— Вот умница! Получай леденец.

Мама открыла буфет, взяла сахарницу... Ах!.. Сахарница развалилась, сахар посыпался на пол.

— Что ж это такое? Кто сахарницу разбил?

— Это не я. Это она сама...

— Ах, сама разбилась! Ну, это понятно. А леденец-то куда девался?

— Леденец... Леденец... Я его съел. Я себя вёл хорошо, ну и съел его. Вот...

Затейники

Мы с Валею затейники. Мы всегда затеваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поросёнка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и повесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Валя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет. А ты меня?

— И я, — говорю, — нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

— Чего ты? — спрашивает.

— Меня, — говорю, — кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл.

Держали мы дверь, держали. Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет? Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я, — говорит Валя, — я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я, — говорит, — испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

— Нет, ты пойдё!

Я говорю:

— Там же никого нет.

— А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

Замазка

Однажды стекольщик замазывал на зиму рамы, а Костя и Шурик стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Шурику:

— Посмотри, что у меня получилось.

Шурик посмотрел и говорит:

— Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Шурик всё беспокоился и спрашивал:

— Где замазка?

А Костя отвечал:

— Вот она, в кармане. Не съем я её!

В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника. Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать место, а Шурик где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

— Это место занято, здесь Шурик сидит.

— Какой такой Шурик? Здесь я сижу, — сказал гражданин.

Тут прибежал Шурик и сел рядом с другой стороны.

— Где замазка? — спрашивает.

— Тише! — прошептал Костя и покосился на гражданина.

— Кто это? — спрашивает Шурик.

— Не знаю.

— Чего ж ты его боишься?

— Он на замазке сидит.

— Зачем же ты отдал ему?

— Я не давал, а он сел.

— Так забери!

Тут погас свет и началось кино.

— Дяденька, — сказал Костя, — отдайте замазку.

— Какую замазку?

— Которую мы из окна выковыряли.

— Из окна выковыряли?

— Ну да. Отдайте, дядя!

— Да я ведь не брал у вас!

— Мы знаем, что не брали. Вы сидите на ней.

— Сижу?!

— Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

— Чего ж ты раньше молчал, негодный?

— Так я ведь говорил вам, что место занято.

— Когда же ты говорил? Когда я сел уже!

— Откуда же я знал, что вы сядете?

Гражданин встал и принялся шарить на стуле.

— Ну, где же ваша замазка, злодеи? — проворчал он.

— Пойдите, вот она! — сказал Костя.

— Где?

— Вот, на стуле размазалась. Мы сейчас счистим.

— Счищайте скорей, негодные! — кипятился гражданин.

— Садитесь! — кричали на них сзади.

— Не могу, — оправдывался гражданин. — У меня тут замазка.

Наконец ребята соскоблили замазку.

— Ну, теперь хорошо, — сказали они. — Садитесь.

Гражданин сел.

Стало тихо.

Костя уже хотел смотреть кино, но тут слышался шёпот Шурика:

— Ты уже съел свой пряник?

— Нет ещё. А ты?

— Я тоже нет. Давай есть.

— Давай.

Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:

— Послушай, у тебя пряник вкусный?

— Угу.

— А у меня невкусный. Мягкий какой-то. Наверное, растаял в кармане.

— А замазка где?

— Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! В темноте перепутал, понимаешь, замазку и пряник. Тьфу! То-то я гляжу, что она невкусная!

Костя со злости швырнул замазку на пол.

— Зачем же ты её бросил? — спросил Шурик.

— А на что мне она?

— Тебе не нужна, а мне нужна, — проворчал Шурик и полез под стул искать замазку. — Где же она? — сердился он. — Вот ищи теперь.

— Сейчас я найду, — сказал Костя и тоже исчез под стулом.

— Ай! — послышалось вдруг откуда-то снизу. — Дядя, пустите!

— Кто это там?

— Это я.

— Кто — я?

— Я, Костя. Пустите меня!

— Да я ведь не держу тебя.

— Вы мне на руку наступили!

— Чего ж ты полез под стул?

— Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Шуриком нос к носу.

— Кто это? — испугался он.

— Это я, Шурик.

— А это я, Костя.

— Нашёл?

— Ничего не нашёл.

— И я не нашёл.

— Давай лучше кино смотреть, а то все пугаются, в лицо ногами тыкают, думают — собака.

Костя и Шурик пролезли под стульями и уселись на свои места.

Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец». Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

— Что это за кино мы смотрели? — говорил Костя. — Я что-то ничего не разобрал.

— А я, думаешь, разобрал? — ответил Шурик. — Какая-то чепуха на постном масле. Показывают же такие картины!

Ступеньки

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

— А я уже считать умею! — похвастался Петя. — В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Ну, чего ж ты остановился? — спрашивает Валя.

— погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

— Ну вспоминай, — говорит Валя.

Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

— Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

— Одна, — говорит Петя, — две, три, четыре, пять... И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Валя.

— Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл! Ну-ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Валя.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Валя. — Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ножки болят.

— Не хочешь — не надо, — ответил Петя. — А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

— Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

— А дальше шесть, — сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Шесть! — шепчет Валя. — Шесть! Шесть!

— Шесть! — обрадовался Петя и пошёл дальше. — Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.

Заплата

У Бобки были замечательные штаны: зелёные, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

— Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зелёных штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошёл поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

— Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

— Я больше не буду! Зашей, мама!

— Сам зашей.

— Так я ведь не умею!

— Сумел порвать, сумей и зашить.

— Ну, я так буду ходить, — проворчал Бобка и пошёл во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

— Какой же ты солдат, — говорят, — если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

— Я просил маму зашить, а она не хочет.

— Разве солдатам мамы штаны зашивают? — говорят ребята. — Солдат сам должен уметь всё делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошёл он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зелёной материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать её к штанам.

Дело это было нелёгкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

— Чего ты колешься? Ах ты, противная! — говорил Бобка иголке и старался схватить её за самый кончик, так, чтобы не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушёный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

— Ну, куда же это годится? — ворчал Бобка, разглядывая штаны. — Ещё хуже, чем было! Придётся наново перешивать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил её, приложил снова к штанам, хорошенько обвёл вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать её снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и всё время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда всё сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не оторвать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

— Вот молодец! — говорили они. — А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

— Эх, мне бы ещё пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну ничего. Когда-нибудь оторвётся — обязательно сам пришью.

Огурцы

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке. Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, я и взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котье в карман. Котья плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор!

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брат не боялся?

Мама дала Котье в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котья повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, — решил Котья и стал оглядываться вокруг. — Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит, и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котья. — Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котья из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котья вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

На горке

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем, — говорили они, — а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, — как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О, — говорит, — хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит. — Скользкая!

Поднялся и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше, взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скачусь! Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь, что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал насыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь, — говорят, — замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это, — говорит, — чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком насыплет!